

ПОЛИТЭКОНОМИЯ

УДК: 33, 330.3, 339.9

JEL: F02, H1, N20, O11, P2

Гжегож В. Колодко

ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ИЗ ТРЕТЬЕГО МИРА В ПЕРВЫЙ

(статья первая)

В эпоху необратимой глобализации мировые экономические и политические правила игры должны учитывать растущее значение Китая. Вместо того, чтобы бороться с этой страной, нужно с ней прагматично сотрудничать в решении растущих глобальных проблем. В настоящее время и Китай должен адаптироваться к внешнему миру, и сам мир должен адаптироваться к Китаю. Невозможно навязать этой стране модель, разработанную где-то в другом месте, тем более что в наши дни либеральная демократия во многих странах переживает системный кризис. Также нет возможности навязать китайскую модель другим (хотя для многих стран это может показаться возможным); это не экспортный "товар", хотя его элементы и могут оказаться полезными в других странах. Китай не стремится к мировому господству; вместо этого он последовательно интегрируется с внешним миром, чтобы поддерживать свое собственное развитие. Единственный разумный путь вперед лежит через внимательное наблюдение, взаимное обучение и прагматическое сотрудничество, основанное на неортодоксальной экономической мысли.

Ключевые слова: трансформация, глобализация, экономическая система, "чинизм", развитие, мировой порядок

THE GREAT CHINESE TRANSFORMATION: FROM THE THIRD WORLD TO THE FIRST

Grzegorz W. Kolodko (kolodko@tiger.edu.pl), Research Center for Transformation, Integration and Globalization, Kozminski University, Warsaw. <https://orcid.org/0000-0001-7015-5612>

In an era of irreversible globalization, world economic and political rules of the game must take into account the growing importance of China. Instead of fighting this country, it is necessary to cooperate pragmatically with it in solving growing global problems. At present, China must adapt to the outside world, and the world itself must adapt to China. It is impossible to impose on this country a model developed elsewhere, especially since today liberal democracy in many countries is experiencing a systemic crisis. There is also no way to impose the Chinese model on others (although for many countries this may seem possible); it is not an export "product", although its elements may be useful in other countries. China does not seek world domination; instead, it integrates sequentially with the outside world in order to maintain its own development. The only reasonable way forward is through

---

Гжегож В. Колодко (kolodko@tiger.edu.pl), Исследовательский центр трансформации, интеграции и глобализации, Козмински Университет, Варшава. ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-7015-5612>

© Г. Колодко, 2020

ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2020. № 2: 5–19

careful observation, peer education and pragmatic cooperation based on unorthodox economic thought.

Keywords: transformation, globalization, economic system, "chinism", development, world order

Три слова в одном

Концепция так называемого "третьего мира" никогда не была полностью понятной. В течение десятилетий, предшествовавших великому постсоциалистическому переходу, вызванному политическим прорывом в Польше в 1989 году, чаще всего считали, не вдаваясь в тонкости терминологии и определения, что первый мир – это высоко-развитый капитализм, возглавляемый Соединенными Штатами, второй мир – это государственный социализм, во главе которого стоит Советский Союз, а третий мир – это все остальные – чаще всего бедные и отсталые страны, которые, во многих случаях, особенно в Африке, – всё ещё продолжают избавляться от колониального наследия. Эту группу стран также часто называют развивающимися, хотя зачастую уровень развития и не влиял на включение страны в данную группу. При таком разделении страны третьего мира характеризовались низким уровнем производства и уровня жизни, а также большим населением и его быстрым ростом. Уже тогда нужно было задаться вопросом, к какому миру принадлежит Китай. Конечно, не к первому, от которого он был отделён непреодолимой пропастью, но ко второму или к третьему?

Китай не хотел считать себя страной "второго мира", поскольку он и не был согласен с формулировкой "с Советским Союзом у руля", и не мог поставить у руля себя. Возможно, в самом начале существования Китайской Народной Республики, в начале 1950-х годов, она и принимала политическое господство Советского Союза, но потом всё изменилось. Любопытно, что китайский лидер Мао Цзэдун (1893–1976) в последние годы своего правления ставил СССР в одну группу с США. В 1974 году он сказал: "На мой взгляд, Соединенные Штаты и Советский Союз принадлежат к первому миру. Страны между Японией, Европой и Канадой относятся ко второму миру. Третий мир очень многочисленный. К третьему миру принадлежит вся Азия, кроме Японии. А также и вся Африка и Латинская Америка" (Мао Цзэдун, 1974)¹. Конечно, "третьим миром" при таком определении должен был руководить Китай, чтобы он мог противостоять двум другим мирам и следовать своим собственным, единственно правильным путем к лучшему будущему.

В то время Китай уже был самой населённой страной мира, в которой проживало 22,5% мирового населения, но он также был одной из беднейших стран с очень отсталым сельским хозяйством, производящим всего 2,8% мировой сельхозпродукции. Чтобы понять,

¹ Было бы интересно узнать, где председатель Мао видел в его классификации место стран Центральной и Восточной Европы. Вероятно, не в "Европе", а скорее со стороны Советского Союза, а значит, в "первом мире".

насколько велика была бедность, достаточно представить, что за чертой бедности (3,20 долл. США на человека в день по паритету покупательной способности, ППС) в первые годы существования КНР находилось более 99% населения! Это была действительно страна нищих. Сейчас бедные люди составляют менее 1%². Бедность – это относительное понятие. Его определения и показатели различаются. Амбициозный план Китая по полному искоренению бедности к 2020 году будет означать, что экономика и социальная политика обеспечат каждому гражданину страны чистый годовой доход свыше 2300 юаней, что эквивалентно около 324 долл. США по рыночному обменному курсу или около 684 долл. США по паритету покупательной способности. К сожалению, достижение этого исторического уровня, несомненно, будет задержано кризисом, вызванным вспышкой Covid-19.

Есть одна поговорка, которую я однажды услышал в Африке: если хочешь идти быстро, иди один, если хочешь идти далеко, иди вместе. Китай показывает всему человечеству – как богатым, так и, что более важно, бедным – что можно идти одновременно и быстро, и далеко. Всего за два поколения – между 1979 и 2020 годами, при росте численности населения примерно на 45% – с 970 миллионов до 1,4 миллиарда – увеличение объёма производства по показателю ВВП в Китае происходило с беспрецедентными темпами – за данный период он повысился в 40 раз. В это трудно поверить, но это факт³. С учётом покупательной способности, ВВП вырос с примерно 690 млрд долл. США до почти 27 трлн. В расчёте на душу населения этот же показатель (ВВП скорректированный на ППС) вырос за данный период почти в 27 раз, превысив среднемировой уровень на 6–7%.

Как всегда при таких сравнениях, здесь мы сталкиваемся с целым рядом методологических вопросов, поскольку существует более одного способа расчёта и более одного сравнительного показателя. Так, согласно другим оценкам, ВВП Китая на душу населения вырос с 1 600 долл. США в 1978 году до почти 16 000 долл. США в 2019 году, или ровно в десять раз. В обоих случаях это цифры, рассчитанные в постоянных ценах 2018 года, но из-за разницы в допущениях и оценках изменений покупательной способности, результаты существенно отличаются (табл. 1). Так, автор этой альтернативной оценки, The Conference Board, считает, что официальные китайские данные серьёзно занижают историческую базу или точку отсчёта, которой в данном случае является доход в 1978 году (CB, 2020).

² По оценкам Всемирного банка, в течение четырёх десятилетий рыночных реформ и открытости миру в Китае вышли из нищеты более 850 млн человек. Тем не менее, до 373 млн человек по-прежнему живут там менее чем на 5,50 долл. США в день, что ниже черты бедности, установленной для стран с доходом выше среднего, – то есть той группы стран, в которую сейчас включается Китай (World Bank 2020).

³ В постоянных ценах 2010 года реальный ВВП Китая вырос с почти 290 млрд долл. в 1978 году до примерно 11,5 трлн в 2019 году. См.: World Bank national account data, and OECD National Accounts data files" (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD?locations=CN>; получено 11.05.2020)

Таблица 1

**Величина и динамика ВВП Китая, США и Польши
в 1978–2019 годах (по ППС)**

Страна	Официальные данные			Альтернативная оценка		
	1978	2019	доля 2019/1978	1978	2019	доля 2019/1978
ВВП, всего, млрд дол. 2018 г.						
Китай	691	26952	39,0	1516	21956	14,5
США	7 251	20993	2,9	-	-	-
Польша	476	1257	2,6	-	-	-
ВВП на д.н., дол. 2018 г.						
Китай	723	19387	26,8	1586	15973	10,1
США	32574	63126	1,9	-	-	-
Польша	13631	32775	2,4	-	-	-

Источник: The Conference Board Total Economy Database (CB 2020) и наши расчёты.

Говоря об этом, трудно пропустить тот факт, что США в 1978 году и Польша в 2019 году имели одинаковый уровень ВВП на душу населения. Если бы разница в уровне развития и в уровне жизни сводилась только к этому показателю, то отличия между этими странами не были бы такими значительными. В конце концов, что такое четыре десятилетия на долгом пути истории?

Согласно классификации Мирового банка, развитые страны с высоким уровнем дохода – это страны с ВНД на душу населения в 12 375 долл. США. Здесь речь идёт не о ВВП, а именно о валовом национальном доходе, хотя эти две категории не сильно отличаются друг от друга. В Китае ВНД ниже ВВП примерно на 6%; в 2019–2020 годах его можно было бы оценить на уровне примерно 10 200 долл. США. Следовательно, статус страны с высоким уровнем дохода для Китая не так уж и далёк – чтобы его достичь, данный показатель должен повыситься ещё примерно на 20%. После того, как шок, связанный с пандемией Covid-19, будет успешно преодолён (хотя здесь всё далеко не гарантировано), Китай достигнет этой отметки через три-четыре года. Вот так, всего за полвека, начиная с 1974 года – когда Мао справедливо посчитал Китай страной третьего мира – и до 2024 года, экономика страны перенесётся в первый мир. Хотя... Хотя это гораздо сложнее, потому что количество – это ещё далеко не всё. Иногда количество намного менее важно, чем качество.

Когда-то очень давно ...

Путь Китая в "первый мир" имеет богатую и сложную историю. На коротком временном отрезке обычно отмечают начало проведения политики открытости к процессам глобализации и сопутствующие либеральные экономические реформы преемника Мао Дэн Сяопина (1904–1997). Его знаменитое высказывание: "Неважно, чёрная ли кошка или белая, лишь бы ловила мышей", – является истинной квинтэссенцией прагматизма, который определил китайские рыночные реформы прошлых четырёх десятилетий.

Ещё более короткий промежуток времени начинается со смены политических акцентов во время правления Си Цзиньпина, нынешнего лидера партии с конца 2012 года и президента КНР с весны 2013 года. Если Дэн призывал к скромности и в основном к внутренней ориентации, заявив в 1990 году "Скрывай свои силы и выжидай", то Си считает, что время уже наступило, и продвигает "китайскую мечту" (Xi, 2014) вместе с экономической и политической внешней экспансией. Как заявлено в документах XIX Национального Съезда Коммунистической партии Китая, страна движется от "мирного роста" к "напористому росту". Си сказал: "Путь, теория, система и культура социализма с китайскими характеристиками продолжают развиваться, прокладывая новый путь для других развивающихся стран и наций в направлении модернизации. Этот путь открывает новый выбор для других стран и наций, которые хотят ускорить своё развитие при сохранении независимости; и он применяет китайскую мудрость и китайский подход к решению проблем, стоящих перед человечеством" (*China Daily*, 2017. P. 8), и совершенно недвусмысленно: "Нам пора занять центральное место в мире и внести ещё больший вклад в развитие человечества" (*Financial Times*, 2017).

Если же взять очень долгий промежуток времени в прошлом, то здесь ситуация менялась. Временами Китай был ближе к более развитым странам и экономикам, иногда даже лидировал в мире, в других случаях разрыв увеличивался, а иногда страна даже была среди отстающих. Оставляя в стороне совсем уж древние времена, вспомним высокоразвитую цивилизацию эпохи Конфуция (551–479 гг. до н.э.) – этот период часто упоминается в связи с великими морскими путешествиями адмирала Чжэн Хэ (1371–1433 гг.), который достиг Аравии и восточного побережья Африки 600 лет назад. Вместо экспансии, подобной той, которую начали европейцы после открытия Колумбом Америки, за путешествиями Чжэн Хэ последовал полный откат, которому до сих пор так и не нашли полного объяснения. Скорее всего, это было вызвано не какой-то особой фобией тогдашнего императора Среднего царства, а просто необходимостью сосредоточиться на тяжёлом грузе внутренних проблем. Сегодня Китай в этих регионах снова присутствует, и нет никаких признаков, что он собирается оттуда уйти, скорее наоборот. В мировой политике есть люди, которые были бы счастливы, если бы нарастающие внутренние проблемы Китая заставили его и на этот раз развернуть паруса и отправиться домой. Но этого не произойдет, так как в этот раз Китай развернёт паруса, чтобы лучше преодолевать внутренние трудности за счёт экспансии в другие регионы мира.

В конце XVI и начале XVII века некоторые выдающиеся европейские умы высоко ценили китайские достижения, рассматривая их как признак более высокого уровня развития. Готфрид Лейбниц (1646–1716), немецкий философ и математик, полагал, что, хотя в области точных наук Запад находится на передовых позициях, китайцы превзошли европейцев в "практической философии", поскольку они ор-

ганизовали такое общество, где "законы красиво направлены на поддержание величайшего спокойствия и порядка" (*Obbema*, 2015. Р. 18). Лейбниц, узнавший о Китае от католических миссионеров, возвратившихся оттуда и живущих в разорённой Тридцатилетней войной Германии (1618–1648), хотел, чтобы китайские миссионеры прибыли в Европу, и мечтал о новой глобальной культуре, которая бы объединила всё лучшее из Китая и из Европы. Прошло около 300 лет; миссионеры – теперь светские, а не иезуитские – полные всевозможных идей, путешествуют в обе стороны с беспрецедентной частотой, и всё же до этой долгожданной всемирной культуры ещё очень далеко...

Спустя полвека великий философ и писатель эпохи Просвещения Вольтер (1694–1778) также писал о Китае с большим уважением. Безусловно, он восхищался Китаем во многом на фоне того кризиса и хаоса, который царил в предреволюционной Франции. Когда в 1764 году он заметил: "Их империя – лучшее, что мир когда-либо видел" (*Obbema*, 2015. Р. 18), он, по-видимому, получил столь же критическую реакцию, какую получают и современные апологеты сложной китайской реальности. Вольтер даже написал стихи об императоре Цяньлун (1711–1799), которого он воспринимал как короля – платонического философа⁴. Однако его современник, Монтескье (1689–1755), напротив, рассматривал Китай как "*деспотическое государство, принцип которого – страх*" (там же, с. 19). Некоторые сино-скептики согласились бы с ним и сегодня.

Трудно поверить, что 200 лет назад Китай производил около 32% мировой продукции. Однако это становится более понятно, если учесть, что тогда в стране в относительном выражении проживало больше людей, чем сейчас – примерно 38% населения всего мира. Китайцев было в три раза больше, чем европейцев – 381 и 122 млн соответственно. Затем наступил период замедления и регресса. В то время как сначала Европа, а затем Северная Америка набирали обороты в результате последующих промышленных революций, Китай – не без помощи некоторых империй Западной Европы – наоборот, впал в застой. В конце XIX и начале XX века это была страна с полуколониальной экономикой. "Столетие национального унижения" часто вспоминают и сегодня. Об этом периоде китайской истории известно каждому ученику начальной школы, что заставляет их ещё сильнее гордиться современными достижениями своей родины и стремиться к чему-то ещё, что могло бы стать достойным называться китайской мечтой XXI века.

История никогда не повторяется с буквальной точностью, но иногда современникам следует напоминать о прошлом. Когда-то китайцы уже были объектом страха, или, точнее, страха на фоне роста ксенофобии. Конец XIX века как в Северной Америке, так и в Европе

⁴ В наше время отсутствие таких стихотворений вряд ли могут заменить президенту КНР хвалебные описания в его честь, написанные в прозе в нескольких китайских институтах, созданных для "изучения и интерпретации мысли Си Цзиньпина о социализме с китайскими характеристиками для новой эпохи". Это пахнет культом личности, который китайскому лидеру не нужен.

вошёл в историю как бесславное время "жёлтой опасности". По сути, это был антиазиатский расизм, когда населению многих стран преднамеренно внушался страх перед мигрантами из этого региона. А иногда к позорным расистским практикам прибегали на основании представлений о превосходстве американской и европейской цивилизации... В США в 1882 году был принят "Акт об исключении китайцев" (*Chinese Exclusion Act*), который был отменён в 1943 году, а извиниться за него Сенат соизволил только в 2011 году (*это правда!*). Если бы такого не происходило в те времена, то, конечно, и сейчас республиканское большинство в США не занимало бы сходную позицию. Тогда же – в конце XIX века – в Европе немецкий кайзер Вильгельм II разжигал ненависть к китайцам, полчища которых, согласно официальной пропаганде, вот-вот собирались наводнить Европу. С этой целью он послал своему дальнему родственнику, царю России Александру III, рисунок с изображением китайского дракона, растоптавшего христианскую Европу. Многократные копии изображения имели огромный успех – такой же, какой сейчас имеют некоторые шовинистические и расистские мемы.

Неспособность идти в ногу с творческим процессом и развитием, стоявшими в основе промышленных революций XIX века, а также социальные и военные потрясения первой половины XX века привели к тому, что в течение нескольких поколений Китай не мог преодолеть системный экономический и политический коллапс. ВВП Китая в середине XX века, когда была основана Китайская Народная Республика с Коммунистической партией Китая во главе, составлял не более 2% мирового производства. Это падение – а это было именно падение – в форме одновременно и резкого и длительного спада производства, когда всего за 130 лет доля страны в мировом производстве понизилась с одной трети до одной пятидесятой, учитывая ещё и огромное население этой страны, было действительно беспрецедентной драмой глобального масштаба.

От "как можно больше" до "как можно лучше"

Сейчас, с учётом паритета покупательной способности, ВВП Китая снова составляет около 20% мирового. Эта доля будет повышаться и в дальнейшем; когда-нибудь она снова превысит 30%, как два столетия назад. Такая тенденция имеет свои явные детерминанты, а также свои последствия, которые, однако, менее очевидны. Такому прогрессу способствовала именно политическая и экономическая система Китая, особенно в период провозглашения экономической открытости и реформ после 1978 года (*Lin, 2012; Economy, 2018*). Тем не менее всё это связано с огромными издержками и приводит к негативным последствиям, о которых нельзя судить только на основе показателя ВВП. Особенно острыми являются экологические издержки в виде опустошения окружающей среды и огромных масштабов неравенства доходов. Эти две темы – в дополнение к необходимости поддержания экономического равновесия, особенно в отношении фи-

нансов и торговли – представляют собой самые серьёзные проблемы, с которыми столкнётся экономическая политика Китая в ближайшие десятилетия. Улучшение экологической ситуации и сокращение различий в доходах и богатстве являются вопросами более важными, чем постоянная максимизация темпов экономического роста в рамках его традиционной интерпретации.

Естественно, экономический рост игнорировать нельзя. В конце концов, именно стоимость произведённых товаров и предоставляемых услуг обеспечивает материальные основы жизни и определяет благополучие. Кроме того, поддержание относительного баланса на рынке труда требует, по оценке, роста ВВП не менее 5%. То есть, экономика Китая должна ежегодно принимать более десятка миллионов работников, приходящих в промышленность и в предприятия сферы услуг, расположенные в городских районах. Это одно из условий поддержания социального мира, что гораздо важнее, чем догонять и опережать других. В конечном счёте, причина, по которой Китай проводит политику быстрого экономического роста, заключается не в том, чтобы превзойти Японию и США по объёму производства, а в том, чтобы лучше удовлетворить потребности своего многочисленного населения.

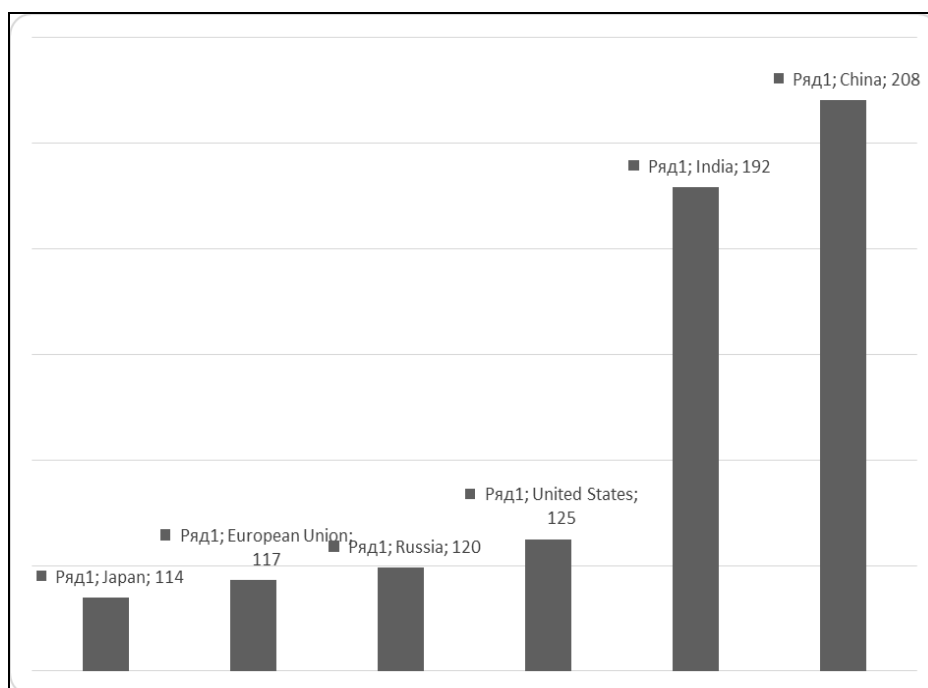
Китай набрал скорость. Его экономическая динамика значительно превышает динамику высокоразвитых стран, и разрыв между ними постоянно сокращается⁵. В контексте геополитики также важно то, что во втором десятилетии XXI века экономика Индии растёт почти так же быстро. В предыдущие 30 лет это было не так, что имеет значение для сравнения различных политических и экономических моделей. В 1980–2009 годах общий ВВП Индии вырос примерно в 7,2 раза, а Китая – примерно в 26,7 раза. В этот период Индия, которая до 1992 года имела более высокий доход на душу населения, далеко отстала от Китая. В дальнейшем, за десятилетие 2010–2019 годов, в то время как общий ВВП в Китае чуть более чем удвоился, в Индии он почти удвоился (рис. 1). Следовательно, в настоящее время средний доход китайца почти в два с половиной раза выше, чем у индийца.

Хотя мы уже живем в "реальности за пределами ВВП" (Kolodko, 2014; Stiglitz, Fitoussi, Durand, 2018; Koźmiński, Noga, Piotrowska, Zagyrski, 2020), давайте ещё немного остановимся на анализе ВВП. Это важно, потому что и в этой сфере многое изменится из-за путаницы, вызванной пандемией Covid-19. На самом деле, согласно оценкам Международного валютного фонда, в этих двух крупнейших странах бывшего третьего мира экономический рост в 2020 году будет продол-

⁵ При всех методологических оговорках стоит сравнить экономическую динамику Китая со страной наиболее успешного постсоциалистического перехода – Польшей (Piatkowski, 2018; Kolodko, 2020a). В целом, ВВП Польши за три десятилетия с 1990 по 2019 год примерно утроился, тогда как ВВП Китая увеличился в 15 раз. По показателю ВВП на душу населения для Польши это также увеличение примерно в три раза, потому что население страны даже несколько уменьшилось, а для Китая, как мы знаем, реальный доход на душу населения вырос примерно в 12 раз. Подробнее о сложной ситуации в начальный период польской трансформации см. Kolodko, Rutkowski, 1991 и Nuti, 2018.

жаться, хотя и гораздо меньшими темпами из-за "закрытия" части экономики для предотвращения распространения инфекции и из-за нарушения транснациональных товарно-сырьевых цепочек (Kolodko, 2020b). В своём справочнике "Перспективы развития мировой экономики на весну" (World Economic Outlook for spring) МВФ прогнозирует (табл. 2) для Китая и Индии в 2020 году рост ВВП соответственно на 1,2 и 1,9% и экспоненциальный рост на 9,2 и 7,4% в 2021 году (WEO, 2020)⁶. Для высокоразвитых стран ожидается значительный спад производства.

**Рисунок 1. Китай и Большая пятёрка:
валовой внутренний продукт (2009 = 100)**

Источник: собственные расчёты автора на основе данных Международного валютного фонда (WEO 2019).

Таблица 2

**Прогнозы спада и роста в 2020–2021 годах
(снижение / рост ВВП в процентах)**

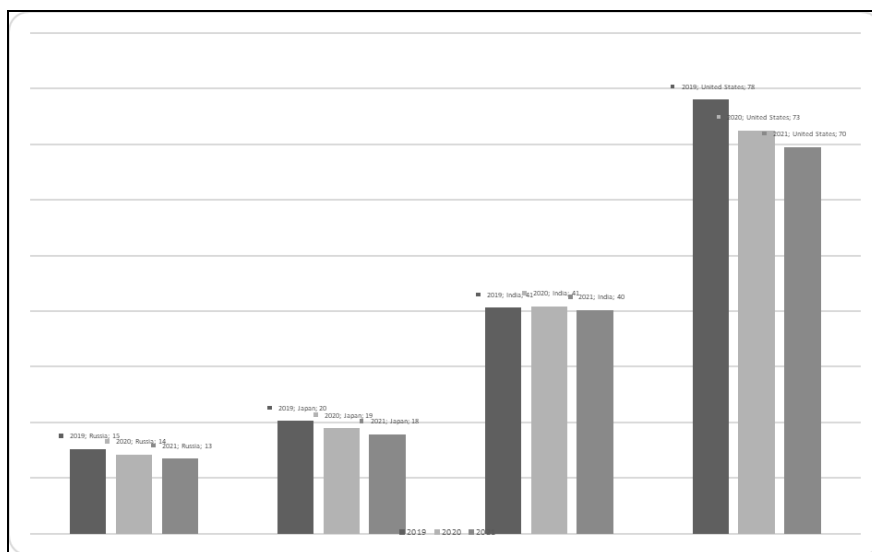
Страна	2020	2021	2021 (2019=100)
Китай	1,2	9,2	110,5
Индия	1,9	7,4	109,4
Япония	-5,2	3,0	97,6
Россия	-5,5	3,5	97,8
США	-5,9	4,7	98,5
Китай	1,2	9,2	110,5

Источник: WEO 2020.

⁶ В то же время Европейская комиссия прогнозировала рост ВВП Китая в 2020–2021 годах на уровне 1,0 и 7,8%. (EU 2020).

Если эти сценарии сбудутся, то ВВП Китая с учётом ППС увеличится с примерно 128% от уровня США в 2019 году до примерно 144% в 2021 году или, если смотреть с другой стороны, ВВП США сократится с 78 до 70% от ВВП Китая. Это, бесспорно, не то развитие событий, которого желает президент США Дональд Трамп, политика которого намеренно разработана для чтобы ослабить китайскую экономику и "сделать Америку снова великой". Поэтому масштаб изменений, происходящих на мировой арене, огромен. Достаточно отметить, что рассчитанный таким образом национальный доход Китая уравнивается только общей суммой дохода Соединенных Штатов, Японии и России... (рис. 2).

Сейчас национальный доход Китая (ВВП по ППС) более чем на четверть превышает показатель США, тогда как по текущему обменному курсу он остаётся всё ещё намного, почти на одну треть, меньшим. В 2019 году эти цифры составляли около 21 трлн долл. США и 14,4 трлн долл. США. Лучшим и более информативным показателем является доход по паритету покупательной способности, поскольку этот показатель говорит нам, сколько он на самом деле стоит или, точнее, в какую сопоставимую стоимость товаров и услуг он может быть конвертирован с учётом различий в ценах. Если в нашем анализе дохода мы будем придерживаться значений, рассчитанных по рыночному обменному курсу, принимая упрощающее допущение, что США и Китай будут поддерживать средние темпы роста ВВП после 2020 года на уровне, достигнутом в год, предшествующий пандемии Covid-19, то есть 2,3 и 6,1% соответственно, тогда ВВП Китая превысит уровень США в 2030 году, достигнув 26 трлн долл. США (в постоянных ценах 2019 года).

**Рисунок 2. Китай и Большая четвёрка
ВВП отдельных стран, % к ВВП Китая (с учетом ППС)**

Источник: данные Международного валютного фонда (WEO 2020).

Что также важно, а иногда и особенно важно в глобальном экономическом сотрудничестве и соперничестве за политическое превосходство, так это то, как объём производства Китая влияет на другие страны. Китай вошёл в состав пятнадцати крупнейших мировых экспортеров только в 1995 году, спустя всего лишь восемнадцать лет после этого, в 2013 году он стал мировым лидером по стоимости экспорта, и в обозримом будущем будет удерживать лидерство⁷. Общий объём международной торговли Китая в 2019 году составил 4,6 трлн долл. США, при этом экспорт вырос на 0,5%, а импорт – на 2,8% по сравнению с предыдущим годом (табл.3).

Отметим также, что относительно очень высокий экспорт в Гонконг почти полностью реэкспортируется этой страной. Поэтому фактический товарный экспорт на соответствующие зарубежные рынки выше, чем показывают приведенные здесь данные.

В прошлом году, перед пандемией, которая потрясла мировую экономику, включая международную торговлю, Китай имел положительное внешнее сальдо в размере 421,5 млрд долл. США, что выше, чем в предыдущем году, несмотря на санкции, вызванные объявленной Соединенными Штатами торговой войной. Китай по-прежнему остаётся крупнейшим торговым партнером США, поскольку, несмотря на протекционистские ограничения, наложенные администрацией президента Трампа, он является получателем американских товаров на сумму более полутора триллионов долларов, что составляет пятую часть всего американского экспорта.

Другой важный фактор глобального соперничества – это государственные финансовые резервы. По этому показателю Китай, имеющий валютные резервы, эквивалентные примерно 3,1 трлн долл. США,

Таблица 3

**Десять стран – основных получателей китайского экспорта
в 2019 году**

Страна	В миллиардах долларов США	В процентах
США	418.6	16,8
Гонконг	279.6	11,2
Япония	143.2	5,7
Южная Корея	111.0	4,4
Вьетнам	98.0	3,9
Германия	79.7	3,2
Индия	74.9	3,0
Нидерланды	73.9	3,0
Великобритания	62.3	2,5
Тайвань	55.1	2,2

Источник: International Trade Centre based on General Customs Administration of China Statistics (Trade Map, 2020) и собственные расчеты автора.

⁷ Учитывая беспрецедентные деструктивные процессы, вызванные пандемией Covid-19 и часто хаотическими реакциями экономической политики, это скорее вопрос "необозримого" будущего...

также занимает первое место в мире⁸. В 2014 году резервы были на 750 млрд долл. больше, но в последующие пять лет они были разумно использованы в рамках финансовой политики для стабилизации экономики и стимулирования роста производства. Здесь стоит отметить, что третья часть валютных резервов Пекина – это американские ценные бумаги, что ещё больше связывает экономики этих двух стран. Оставшиеся две трети распределяются между другими резервными валютами – наибольшую долю составляет евро, за ним следуют иена, гонконгский доллар⁹, британский фунт стерлингов, корейский вон, австралийский и канадский доллары и швейцарский франк. Примерно 100 млрд долл. США хранятся в золоте. Именно крупномасштабные покупки золота центральным банком Китая в последние годы привели к значительному росту цен на этот драгоценный металл.

С другой стороны, в мировых валютных резервах на китайскую валюту приходится только около 2%. Можно предположить, что центральные банки других стран накопили в юанях не более четверти триллиона долларов. Такова теперешняя ситуация, но она изменится, и доля юаней в мировых валютных резервах будет в дальнейшем систематически повышаться, хотя и медленно. Безусловно, сначала такой рост будет идти за счёт доллара США, что также будет иметь свои политические последствия. Кроме того, Китай, спровоцированный американской враждебностью и агрессивной торговой политикой, которая препятствует экономическому развитию страны, последовательно создаёт параллельную финансовую систему, которая поможет обойти платёжные механизмы, основанные на американском долларе (*Economist*, 2020a). В настоящее время международная финансовая клиринговая система функционирует таким образом, что огромное количество международных торговых операций не может быть заключено в обход доллара США. Это позволяет США налагать жёсткие санкции на другие страны или шантажировать их угрозой санкций, от которых в эти дни страдает Иран, и которые могут также обрушиться на его торговых партнеров.

Иногда враждебные эмоции ведут к потере здравого смысла. Это сейчас можно сказать о видных представителях политического истеблишмента США, формулирующих обвинения против Китая и требующих финансовой компенсации за потери, понесённые экономикой США в результате пандемии Covid-19. СМИ сообщили о фантастической идее, распространённой источниками в администрации США, – о том, что Белый дом серьёзно рассматривает списание части долга перед Китаем в размере 1,1 трлн долл., чтобы "наказать Китай за пандемию" (*Economist*, 2020b). "Республиканцы в Конгрессе, такие

---

⁸ Стоит также отметить, что валютные резервы как Гонконга, так и Тайваня значительно превышают 400 млрд долл. США. Следовательно, если рассматривать так называемый Большой Китай, его валютные резервы возрастают до примерно 4 трлн.

⁹ Гонконгский доллар, НКД, де-факто привязан к доллару США посредством режима валютной комиссии, поэтому с макроэкономической точки зрения эти две валюты могут рассматриваться как одна.

как сенатор Линдси О. Грэм (S.C.), все чаще требуют, чтобы Соединённые Штаты "заставили Китай заплатить за ущерб"" (*Stein, Leonnig, Dawsey, Shih, 2020*). Сенатор Марша Блэкберн вообще дошла до абсурда – она "предложила отменить процентные платежи Китаю по всем долгам США", поскольку "они уже обошлись нашей экономике в 6 трлн долл., и могут нам стоить ещё 5 трлн" (*там же*). Такие публичные заявления политиков высшего уровня ещё больше нагнетают ксенофобию, которой уже и так достаточно. В ходе избирательной кампании, стремясь к переизбранию президента Трампа, его сторонники оплачивают рекламу в СМИ, в которой буквально говорится, что "Китай убивает наши рабочие места, а теперь ещё и убивает наших людей" (*Stein, Leonnig, Dawsey, Shih, указ. ист.*). Государственные средства массовой информации Китая отреагировали быстро, со своей стороны нагнетая националистические эмоции оскорблениями против госсекретаря США Майка Помпео, называя его "злым", "безумным" и "общим врагом человечества" (*Stein, Leonnig, Dawsey, Shih,.*).

Происходит увлекательное, хотя часто и неприятное столкновение между геоэкономикой и геополитикой (*Kolodko, 2020c*). Оба этих мегапроцесса взаимосвязаны, но если предположить, что нам удастся избежать разрушительной горячей войны (а я последовательно придерживаюсь этого допущения), то решающее значение в завтрашнем мире несомненно будут иметь экономические процессы. И отношения с властью будут определяться тем, как развиваются эти процессы, а не субъективными желаниями и амбициями политиков, для которых власть и влияние – это всё, а решение социальных и экономических проблем служит лишь как инструмент поддержания своего господства. С этой точки зрения позиция Китая на мировой арене будет и дальше укрепляться в течение многих лет, поскольку его экономика будет расти как в абсолютном, так и в относительном выражении, хотя и не такими темпами, как до недавнего времени.

Выводы

Китай не только не попал под господство "коммунизма" (*Sun, Zhang, 2020*), но благодаря своим уникальным особенностям продолжает расти с темпом, превышающим среднемировые показатели. Однако после победоносной многолетней войны с бедностью наступает ещё одна война, на этот раз за защиту окружающей среды. В этой войне со временем тоже можно одержать победу, и это докажет перспективность основополагающей характеристики специфической политической и экономической системы Китая – так называемого "чинизма" (*Kolodko, 2018*), который будет передан последующим поколениям. Ранее Китай в целом и особенно его лидеры не желали приносить в жертву свою традиционную долговременную установку – максимизацию темпов экономического роста (понимаемую в узком количественном смысле). Теперь, накануне своего вхождения в группу стран с высоким уровнем дохода, Китай всё же должен пожертвовать этой установкой ради такого развития, которое было бы трижды

устойчивым: в экономическом, социальном и экологическом плане. Если это получится, то Китай сможет мирно выиграть еще одну эпоху на бесконечном пути развития.

References

1. CB (2020, April). The Conference Board Total Economy Database. *The Conference Board*. Retrieved 11.05.2020 from <https://www.conference-board.org/data/economydatabase/index.cfm?id=27762>
2. Higgins, T. (2020, May 11). 'A bill has to come due for China': White House advisor Navarro threatens coronavirus retaliation. *CNBC. Politics*. Retrieved 12.05.2020 from <https://www.cnb.com/2020/05/11/coronavirus-trump-advisor-navarro-threatens-retaliation-against-china.html>
3. Xi Jinping and His Era (2017, November 18-19). *China Daily*.
4. The pandemic is driving America and China further apart (2020, May 9). *The Economist*. Retrieved 10.05.2020 from <https://www.economist.com/leaders/2020/05/09/the-pandemic-is-driving-america-and-china-further-apart>
5. There is less trust between Washington and Beijing than at any point since 1979 (2020, May 9). *The Economist*. Retrieved 10.05.2020 from <https://www.economist.com/united-states/2020/05/09/there-is-less-trust-between-washington-and-beijing-than-at-any-point-since-1979>
6. Economy, Elizabeth C. (2018). *The Third World Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State*. Oxford University Press. New York.
7. EU (2020, May). European Economic Forecast. Institutional Paper 125. European Commission, Brussels. Retrieved 08.05.2020 from https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/ip125_en.pdf
8. Xi Jinping signals departure from low-profile policy (2017, October 20). *Financial Times*. Retrieved 08.05.2020 from <https://www.ft.com/content/05cd86a6-b552-11e7-a398-73d59db9e399>
9. Halper, S. (2010). *The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century*. Basic Books. New York.
10. Kolodko, G.W. (2014). The New Pragmatism, or Economics and Policy for the Future. *Acta Oeconomica*, 64(2), 139-160. Retrieved 10.05.2020 from <http://tiger.edu.pl/aktualnosci/2014/acta-oconomica-64-2014.pdf>; <https://doi.org/10.1556/aoecon.64.2014.2.1>
11. Kolodko, G.W. (2018). Socialism, Capitalism, or Chinism? *Communist and Post-Communist Studies*, 51(4)\ 285-298. Retrieved 10.05.2020 from http://tiger.edu.pl/CPCS_2018.pdf; <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.10.002>
12. Kolodko, G.W. (2020a). Economics and politics of post-communist transition to market and democracy. The Lessons from Polish experience. *Post-Communist Economies*, 32(3)\ 285-305. <https://doi.org/10.1080/14631377.2019.1694604>
13. Kolodko, G.W. (2020b). After the Calamity: Economics and Politics in the Post-Pandemic World. *Polish Sociological Review*, 2(210).
14. Kolodko, G.W. (2020c). Chinism and the Future of the World. *Communist and Post-Communist Studies*, 53. Special Issue.
15. Kolodko, G.W., Rutkowski M. (1991). The Problem of Transition from a Socialist to a Free Market Economy: The Case of Poland. *The Journal of Social, Political and Economic Studies*, 16 (2), 159-179.
16. Koźmiński, A.K., Noga, A., Piotrowska, K., Zagyrski, K. (2020). The Balanced Development Index for Europe's OECD Countries, 1999-2017. *Springer Briefs in Economics*. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39240-6>
17. Lin, J.Y. (2012). *Demystifying the Chinese Economy*. Cambridge University Press, Cambridge.
18. Macrotrends (2020). *Macrotrends – The Premier Research Platform for Long Term Investors*. Retrieved 14.05.2020 from <https://www.macrotrends.net/>
19. Mao, Z. (1974). Chairman Mao Zedong's Theory on the Division of the Three World and the Strategy of Forming an Alliance Against an opponent. The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of China. Retrieved 07.05.2020 from

https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18008.shtml

20. Nuti, D.M. (2018). *The Rise and Fall of Socialism*. DOC Research Institute, Berlin. Retrieved 09.05.2020 from https://doc-research.org/2018/05/-rise_and_fall_of_socialism/

21. Obbema, F. (2015). *China and the West: Hope and Fear in the Age of Asia*. I.B. Tauris, London – New York. <https://doi.org/10.5040/9780755619467>

22. Piatkowski, M. (2018). *Europe's Growth Champion: Insights from the Economic Rise of Poland*. Oxford University Press, Oxford – New York. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198789345.001.0001>

23. Stiglitz, J.E., Fitoussi, J.-P., Durand, M. (2018). *Beyond GDP: Measuring What Counts for Economic and Social Performance*. OECD, Paris. <https://doi.org/10.1787/9789264307292-en>

24. Sun, F., Zhang, W. (2020). *Why Communist China isn't Collapsing: The CCP's Battle for Survival and State-Society Dynamics in the Post-Reform Era*. Lexington Books, Lanham – Boulder – New York – London.

25. Trade Map (2020). Trade statistics for international business development. Retrieved 10.05.2020 from www.trademap.org/Country_SelProduct-Coutry.aspx?nvpm=1%7c156%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c%7c2%7c1%7c

26. Stein, J., Leonnig, C. D., Dawsey, J., Shih, G. (2020). U.S. officials crafting retaliatory actions against China over coronavirus as President Trump fumes. *Washington Post*. Retrieved 10.05.2020 from <https://www.washingtonpost.com/business/2020/04/30/trump-china-coronavirus-retaliation/>

27. World Economic Outlook (October 2019). International Monetary Fund, Washington, DC. Retrieved 08.05.2020 from <https://knoema.com/IMFWEO2019Oct/imf-world-economic-outlook-weo-october-2019>

28. World Economic Outlook (April 2020). The Great Lockdown. International Monetary Fund, Washington, DC. Retrieved 08.05.2020 from <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>

29. World Bank (2020). *The World Bank in China*. Washington, DC. Retrieved 07.05.2020 from <https://www.worldbank.org/en/country/china/overview>

30. Xi, J. (2014). *The Governance of China*. Beijing: ICP Intercultural Press.